

Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 31–44.
Cherepovets State University Bulletin, 2025, no. 6 (129), pp. 31–44.

Научная статья
УДК 81'22
<https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-3>
<https://elibrary.ru/hexygl>

**Гибридный текст как пространство междискурсивного взаимодействия
(на материале романа В. Луиселли «Архив потерянных детей»)**

Яна Станиславовна Гончарова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
[yana.kovrizhina@mail.ru](mailto: yana.kovrizhina@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0006-2012-1282>

Аннотация. В работе анализируется взаимодействие разнокодовых компонентов, которые репрезентируют интердискурсивные связи и участвуют в образовании гибридного продукта. Материалом для исследования послужил роман современной мексикано-американской писательницы Валерии Луиселли «Архив потерянных детей», основанный на ее личном опыте волонтерской работы с иммигрантами из Мексики и соседних стран. В статье предпринята попытка вписать проводимое исследование в контекст не только отечественных, но и зарубежных изысканий, в частности, применить концепцию шведского медиолога Л. Эллестрема.

Ключевые слова: интердискурсивность, интермедиаальность, мультимодальность, медиапродукт

Для цитирования: Гончарова Я. С. Гибридный текст как пространство междискурсивного взаимодействия (на материале романа В. Луиселли «Архив потерянных детей») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 6 (129). С. 31–44. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-3>; EDN: HEXYGL

**Hybrid text as interdiscursive interaction space
(based on “Lost Children Archive” by V. Luiselli)**

Iana S. Goncharova

The Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia
[yana.kovrizhina@mail.ru](mailto: yana.kovrizhina@mail.ru), <https://orcid.org/0009-0006-2012-1282>

Abstract. The paper analyses the phenomenon of heteromediality – that is the combination and integration of different media types. The study focuses on the novel “Lost Children Archive” by the Mexican-American author Valeria Luiselli who based her novel and essays on her own real-world experience of volunteering as an interpreter for young migrants from Central America. The main goal of the article is not only to analyse how heteromediality reflects interdiscursivity within the

© Гончарова Я. С., 2025

text of the novel, but also to apply different concepts of multimodal studies, including L. Ellestrom's theory of multimodality and intermediality.

Keywords: interdiscursivity, intermediality, multimodality, media product

For citation: Goncharova Ia. S. Hybrid text as interdiscursive interaction space (based on "Lost Children Archive" by V. Luiselli). *Cherepovets State University Bulletin*, 2025, no. 6 (129), pp. 31–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-6-129-3>; EDN: HEXYGL

Введение

Высокая интенсивность и всенаправленность явления глобализации в современном мире имеют как положительные, так и отрицательные последствия. Тексты, создаваемые человеком, отражают происходящие процессы. Пересечение географических границ сопровождается преодолением границ между текстами, дискурсами, семиотическими системами, созданием новых мультимедийных информационно-коммуникативных технологий и их коллаборацией. Начался новый виток изучения природы гетерогенности, явлений поликодовости, мультимодальности, интермедальности и т. п.

В данной статье художественный текст рассматривается как разнородное пространство взаимодействия различных дискурсов, материализующихся в ткани произведения в виде разнокодовых компонентов, которые, помимо образования гибридного продукта, вступают в интертекстуальные и интермедальные отношения. В соответствии с целью исследования используются общенаучный описательный метод, включающий наблюдение, интерпретацию и обобщение, лингвистические и лингвокогнитивные методы контекстуального анализа, количественный анализ, элементы структурно-семантического исследования текста. Материалом для исследования послужил роман мексикано-американской писательницы Валерии Луиселли «Архив потерянных детей», опубликованный в 2019 г. и основанный на ее личном опыте работы с детьми иммигрантов, искавших убежище в США. Произведение отличается крайней степенью полифоничности. Автор завершает книгу приложением, содержащим перечень цитируемых источников. В нем поясняется, что ее «представляет собой <...> диалоги с множеством различных текстов, а также нетекстовых источников. Архив, на котором держится роман, является и внутренне присущей, и внешней частью главного нарратива. <...> обращение к источникам – текстовым, музыкальным, визуальным и аудиовизуальным <...> служит внутритекстовыми метками, показывающими, что в разговоре, который книга ведет с прошлым, участвуют многие голоса»¹.

Основная часть

Произведение Луиселли является ярким образцом поликодового, мультимодального гибридного текста, на плоскости которого дискурсивные и интердискурсивные отношения проецируются в виде интертекстуальных и интермедальных процессов. Однако необходимо уточнить терминологию и, в первую очередь, определить, что

¹ Луиселли В. Архив потерянных детей. Москва: Манн, Иванов, Фербер, 2023. С. 472.

именно позволяет обозначить этот текст как поликодовый и мультимодальный. Так, В. Е. Чернявская утверждает, что «коммуникация принципиально поликодова» и поликодовый текст есть «когерентное целое, слагаемое из нескольких семиотических кодов»¹. Следовательно, произведение В. Луиселли, в котором присутствуют компоненты по меньшей мере двух семиотических систем, с уверенностью можно отнести к данному типу текстов. Кроме того В. Е. Чернявская уточняет, что поликодовость понимается не только как «взаимодействие различных семиотических систем при создании когерентного целого», не только как вербально-визуальное единство, но и может быть «результатом взаимодействия различных дискурсов как систем когнитивных стратегий»². Следовательно, интердискурсивность есть механизм формирования поликодового текста.

Многие исследователи настаивают на разграничении понятий «поликодовый текст» и «мультимодальный / полимодальный текст». Это связано с нетождественностью терминов «модальность» и «код».

Так, Е. Д. Некрасова утверждает, что поликодовые тексты, содержащие разные семиотические визуальные (вербальные и иконические) знаки, имеют совершенно иной тип организации по сравнению с текстами полимодального (в зарубежной традиции – мультимодального) характера, актуализирующими несколько перцептивных каналов (как правило, зрительный и аудиальный), а потому изучаются на основании адресного восприятия респондентами. При этом «поликодовый текст может быть и мономодальным, если воспринимается исключительно при помощи зрительного анализатора»³.

А. А. Кибрик подчеркивает, что «письменный текст по природе мультимодален» так же, как и окружающий нас мир. Человек есть мультимодальный организм. Языковая коммуникация по сути мультимодальна⁴. Ученый уточняет, что мультимодальность предполагает взаимодействие и интеграцию нескольких каналов связи и включает все разнообразие визуальных компонентов письменного текста, в том числе набор графических параметров, таких как шрифт (типографику у других исследователей), цвет, формат и т. д.⁵

О. К. Ирисханова утверждает, что различия между понятиями мультимодальность и поликодовость во многом носят установочный характер: первое в лингвистике чаще применяется по отношению к устной речи, а второе используется в исследованиях письменного текста, поэтому частотны именно сочетания «мультимодальный дискурс» и «поликодовый текст». Указанные термины не являются взаимо-

¹ Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве. Москва: URSS, 2013. С. 33, 69.

² Там же. С. 213.

³ Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45.

⁴ Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. 2010. № 4. С. 145.

⁵ Там же. С. 148.

исключающими, они применимы к одному и тому же материалу, однако каждый смещает акцент на определенные дискурсивные аспекты¹.

Интересно отметить, что авторы монографии «Полимодальные измерения дискурса», ссылаясь на Е. Е. Анисимову, которая называет тексты без визуального компонента «текстами с нулевой креолизацией»², допускают существование мономодальных текстов.

М. В. Загидуллина, комментируя статью В. А. Омеляненко и Е. Н. Ремчуковой, в которой «мультимодальность» и «поликодовость» как термины противопоставлены на основе принципа вербальной центрированности / децентрированности в коммуникации, при этом поликодовость рассматривается в российской традиции, отмечает отсутствие убедительной аргументации данного тезиса³.

С развитием Интернета у понятия «мультимодальность» возникло значение «мультиканальности» или «мультимедийности». Именно в таком более узком понимании и применяется поли- или мультимодальность при анализе письменных художественных текстов авторами книги «Полимодальные измерения дискурса»⁴.

Гюнтер Кресс и Тео ван Лиувен, разработавшие основные положения теории мультимодальности, определяют данный термин «через понятие семиотического модуса – набора ресурсов из нескольких знаковых систем»⁵. Примерами модусов являются изображение, письмо, схемы, макеты, жесты, мимика, речь, музыка, 3D-объекты. Таким образом, мультимодальный текст – это «медиапродукт, в котором используется несколько семиотических кодов разных модальностей»⁶. В указанном определении прослеживается взаимосвязь понятий «код» (семиотическая система, набор условных обозначений для кодирования информации) и «модальность» (способ / канал (по активному органу чувств) восприятия информации).

О. К. Ирисханова синонимизирует понятия «модус» и «модальность коммуникации», выделяя среди них вербальные, жестовые, графические и иные и определяя модальность как «способ обработки информации – словесный, зрительный, слуховой, тактильный и проч.»⁷.

¹ Ирисханова О. К., Киосе М. И., Блинникова И. В. Полимодальные измерения дискурса. Москва: ИД ЯСК, 2021. 448 с.

² Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). Москва: Академия, 2003. С. 15.

³ Загидуллина М. В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности. Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 181–188; Омеляненко В. А. Ремчукова Е. Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3. С. 66–78.

⁴ Ирисханова О. К., Киосе М. И., Блинникова И. В. Полимодальные измерения дискурса. Москва: ИД ЯСК, 2021. 448 с.

⁵ Цит. по: Омеляненко В. А., Ремчукова Е. Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3. С. 70.

⁶ Там же. С. 71.

⁷ Ирисханова О. К., Киосе М. И., Блинникова И. В. Полимодальные измерения дискурса. Москва: ИД ЯСК, 2021. С. 7.

В учебном пособии по интермедиальности “Intermedial Studies. An Introduction to Meaning Across Media”, созданном последователями шведского литературоведа и медиолога Л. Эллестрема, за аксиому и отправную точку для последующих изысканий принято следующее утверждение: “All communicative situations and all media types are multimodal”. И далее следует логичный вывод: “All media products are, therefore, mixed and heterogeneous rather than ‘monomedial’”¹.

Л. Эллестрем определяет точки соприкосновения интермедиальных и мультимодальных исследований и делает небезуспешную попытку подвести под них единую методологическую базу. Так, он выделяет четыре модальности – материальную, сенсорную, пространственно-временную и семиотическую – и утверждает, что мы взаимодействуем с любым медиапродуктом одновременно во всех четырех модальностях. Более того, он поясняет: “Media products exploit our capacity for cross-modal translations. In the sensorial modality, we construct synaesthetic connections, where the image of ringing bells makes us ‘hear’ the bells”². Л. Эллестрем называет чтение “multi-sensory reading experience”. Фокусируясь обычно на одном канале восприятия информации, в зависимости от ее характера (зрительном при чтении), мы тем не менее задействуем одновременно все органы чувств – осязание (контакт с книгой как материальным объектом), обоняние (характерный запах новых или старых книг), слух (шелест страниц) – в материальной модальности. Кроме того, сенсорные модальности репрезентированы в семиотической посредством лексических единиц, означающих чувственное восприятие действительности.

Подводя итоги изучения теоретической стороны исследуемых явлений, приведем положения, принятые в рамках данного исследования в качестве теоретической основы:

– Всякий письменный текст является поликодовым, так как по своей имманентной природе является интердискурсивным. Однако, поскольку определение роли паралингвистических средств разного типа в создании сообщения вызывает разногласия среди исследователей, а в зарубежной традиции используется понятие мультимодальности, мы делаем выбор в пользу последнего термина.

– Всякий письменный текст, медиапродукт (в терминологии Л. Эллестрема) мультимодален, модальность – способ обработки информации, канал передачи данных; при восприятии текста включаются все модальности: одни – непосредственно в соответствии с природой текста, другие – через синестезийные ассоциации.

– Модусы – средства коммуникации, способ существования сообщения (речь, цвет, типографика, интонации, жесты, мимика, изображения, аудиосообщения); согласно терминологии Л. Эллестрема это типы базовых медиа (“basic media types”), которые являются кирпичиками для построения квалифицированных медиа (иллюстрированных книг, интернет-мемов, рекламы и т. п.).

– Технические медиа – материальная основа коммуникации (бумага, глина, камень, ручка, граммофон и т. п.).

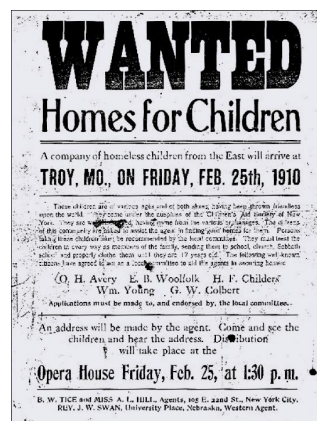
¹ Bruhn J., Schirmacher B., Intermedial Studies. An Introduction to Meaning Across Media. New York: Routledge, 2022. P. 17.

² Там же. P. 37.

Подтвердим справедливость вышеприведенных утверждений с помощью анализа заявленного материала. С одной стороны, «Архив потерянных детей» – это роман о семье, совершающей путешествие через всю Америку к границе с Мексикой. Семья состоит из четырех человек – мамы, ее пятилетней дочери, а также отца и его десятилетнего сына. Автор не называет имен героев. Повествование ведется от лица женщины в первой части и фрагментарно во второй и преимущественно от лица мальчика – во второй. Интересно, что описываемые события и ситуации – идентичны, поэтому большинство глав в первой части от лица женщины и во второй от лица мальчика имеют одинаковые или схожие названия. Видя происходящее сначала глазами взрослых, а затем – детей, читатель разбирается в причинах недопонимания и конфликтов между ними. Магистральной линией в романе является тема памяти. Рассказывая историю одной семьи накануне неизбежной разлуки из-за расставания взрослых, автор старается понять, каким образом люди документируют прошлое, чем память детей отличается от памяти взрослых, какую роль в воспоминаниях играют звуки и зрительные образы, пытается разобраться, как не забыть важные события и людей, что следует помнить, чтобы они продолжали жить в воспоминаниях. Рассказчица делится обеспокоенностью тем, какой запомнится их совместная жизнь детям, попутно она рассуждает о вопросах брака и воспитания; мальчик переживает, что сводная сестра забудет его и их общее детство, поэтому записывает для девочки сообщение на диктофон, подробно рассказывая обо всем, что с ними произошло в поездке и некоторые детали их жизни до ее появления.

Части романа, рассказанные женщиной, можно отнести к жанру дорожного романа, что подтверждается частыми упоминаниями «В Дороге» Дж. Керуака и «Дороги» К. Маккарти, при этом фраза из последнего произведения лейтмотивом проходит через все повествование: “When he woke in the woods in the dark and the cold of the night he'd reach out to touch the child sleeping beside him”¹. Повествование от имени мальчика больше напоминает жанр дневниковой или эпистолярной литературы с тем лишь отличием, что это вербально переданная аудиозапись, характеризующаяся стилем, близким к разговорному и соответствующим возрасту говорящего. Мальчик путешествует с фотоаппаратом и делает моментальные снимки, всю коллекцию которых он перед расставанием дарит девочке, чтобы помочь ей не забывать или в дальнейшем вспомнить поездку. В тексте присутствуют описания многих фотографий, а в конце книги они все представлены как содержание Коробки VII. Фотографии взяты из семейного архива писательницы. На них запечатлены ее дети и супруг, а также места, которые они посещали во время путешествий. При этом роман не является автобиографичным, за исключением отдельных фактов и событий, однако фотографии реальны, они послужили источником вдохновения в ходе создания книги и придали истории достоверности и искренности наравне с нарисованной мальчиком картой (см. рис. 1).

¹ Цит. по: Luiselli V. Lost Children Archive. New York: Alfred A. Knopf, 2019. 417 p.

вершенно разной информации для главной героини и ее семьи и для постороннего человека. Пояснение рассказчицы настолько яркое и точное, что приближает его к экфрасису, описывает фото не просто как статичную картинку, но превращает в динамичное повествование. Читатель не только воспринимает историю героини, «слышит» рассказ мальчика, но также видит фотографии и, подобно девочке, для которой приготовлен аудио- и фотоархив, получает возможность осознать происходящее во всей полноте.

Как уже было сказано выше, главная тема романа В. Луиселли – прошлое и память, роль сенсорных образов, прежде всего визуальных и аудиальных, в создании воспоминаний. Тяжело переживая события, связанные с детьми-иммигрантами, рассказчица тревожится о том, как они отразятся в памяти мальчика: “All that’s left for me to do, I think, is to make sure the sounds he records in his mind right now, the sounds that will overlay this instant that will always live inside him, are sounds that will assure him he was not alone that day”¹. Большое внимание она уделяет звуковому фону повседневной жизни, не раз приводя в тексте привычные звуки обычного дня: звук радио (the radio in the early morning), рык кофемолки (the coffee grinder), бульканье кофеварки (the gurgling of the coffeemaker), шум воды в душе (the long showers), шаги (the slow, careful steps), звуки улицы (the metallic screech of subways halting to a stop; the hum of crowded streets; the stream of voices). Перечень вербальных описаний звуков запускает аудиальную модальность, заставляя читателя *слышать* звуки, лексически точно передаваемые в тексте, иногда с использованием звукоподражательных единиц. Здесь можно наблюдать, каким образом, по словам Е. Д. Некрасовой, семантическая информация о канале восприятия, содержащаяся в слове, актуализирует перцептивный опыт человека, приобретенный им в процессе постижения объектов действительности². Это также может служить примером семиотической организации гибридного текста с помощью воспроизведения поликодовости вербальными средствами³.

Мультимодальная природа текста произведения эксплицитно заявлена уже в названии первой части романа “Family Soundscape”. Термин *soundscape* (звуколандшафт) выводит материал в пространство научного дискурса, а именно в область акустемологии (термин был введен в 1992 г. антропологом Стивеном Фельдом), изучающей взаимосвязь звука и пространства, взаимодействие человека со звуком. Главные герои (взрослые) познакомились, работая над проектом по созданию архива звуковых фрагментов. Далее их пути расходятся: женщина пытается найти свой способ рассказать истории детей иммигрантов, а мужчина стремится в Апачерию на поиски следов некогда живших там индейцев. Но по сути их миссии схожи: “to res-

¹ Luiselli V. Lost Children Archive. New York: Alfred A. Knopf, 2019. P. 152.

² Некрасова Е. Д. Взаимозависимость модальной семантики слова и перцептивного канала предъявления информации // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 12.

³ Соколова О. В. Гибридизация дискурсов: теоретические основания и типы междискурсивного взаимодействия. Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография. 2016. С. 308–333.

ord the soundmarks, traces and echoes that lost children left behind” и “to record the sounds that now, in the present, travel through some of the same spaces where Geronimo and other Apaches, in the past, once moved, walked, spoke, sang. <...> to capture their past presence in the world, and making it audible, despite their current absence, by sampling any echoes that still reverberate of them”¹.

Рассказчица объясняет суть работы мужа со ссылкой на труды известных в этой области исследователей, высказывающих следующее мнение: “...the sounds people make, in music or in language, were always echoes of the landscape that surrounded them”². Тема эха как следов присутствия ушедших и как документов, хранящих воспоминания, развивается дальше. Мальчик с девочкой в течение всей поездки собирают эха голосов и разных звуков, постоянно сопровождающих их. Записанные на отдельных листках, они составляют целый архив, который мальчик передает девочке вместе с диктофонной записью, чтобы помочь ей сохранить воспоминания о прошлом. В аудиоверсии книги части от лица рассказчицы начитаны самой писательницей, от лица мальчика – ребенком, что намного облегчает восприятие последней части, задуманной как полифония голосов: голоса мальчика и девочки переплетаются с голосами других детей, бредущих по пустыне. Аудиоверсия позволяет услышать смену голосов, что является более естественным способом восприятия фрагмента, который в печатной версии представляет собой единое предложение на двадцати страницах с постоянной сменной субъекта: читатель перемещается из сознания мальчика, который ведет повествование от их с девочкой лица (мы), к другим детям, оставаясь рядом с ними, вне чьего-либо сознания (они). При этом во фрагменте посредством бесконечных повторений лексических единиц и грамматических конструкций передается путанность речи и помутненность сознания изможденных и обезвоженных детей, что опять же ярко представлено в исполнении голосом.

Диктофон как технический медиум играет важную роль в произведении. Рассказчица пользуется им для создания эффекта отчуждения. Начитывая на него книгу «Элегии о потерянных детях» вымышленного автора, она пытается услышать саму себя, понять, как звучат истории детей, и найти собственный способ их рассказывать. Она словно ищет свой голос, пытается осознать, какую роль может сыграть, как изменить что-то вокруг. Используя метонимию – голос есть личность – автор показывает, насколько важно быть услышанным, чтобы продолжать существовать. И, возвращаясь к истории семьи, молчание сопровождает отчуждение, предшествует разлуке. Но, несмотря на то, что родители молчат, дети продолжают разговаривать (иногда в игре), и тогда женщина, прислушиваясь к их голосам, с удивлением обнаруживает, что именно голоса ее собственных детей давали ей возможность записать звуковые следы и эха, оставшиеся от потерянных детей.

В машине, помимо голосов детей, постоянно звучат новости, песни и аудиокниги, в частности, «Повелитель мух» У. Голдинга, которого они обсуждают и анализируют. Рассказчица часто упоминает писателей, цитирует произведения художественной литературы, интерпретирует их, полемизирует с авторами, комментирует

¹ Luiselli V. Lost Children Archive. New York: Alfred A. Knopf, 2019. P. 149, 118.

² Там же. P. 116.

качество перевода. Кроме того, весь текст пронизан интертекстуальными аллюзиями разной степени очевидности, что выводит его в область литературоведческого и лингвистического дискурсов. В произведении часто встречаются специальные термины, относящиеся к упомянутым дискурсам: агглютинация, герменевтика, палимпсест, метафикция и проч. Это объясняется мировосприятием писательницы, получившей образование в области философии и литературоведения. Автор и ее рассказчица схожим способом взаимодействуют с миром, и способ этот заключается в установлении связей между людьми, явлениями, произведениями – текстами в широком понимании, именно поэтому созданный ею текст насквозь интертекстуален, интердискурсивен и интермедиален, не только в силу природы человеческой коммуникации, но и как результат авторской интенции.

Поиски голосов потерянных детей и убитых индейцев определяют принадлежность данного литературного материала сразу к нескольким дискурсам. В рамках и иммигрантского дискурса автор показывает, какой очередной виток совершает история развития человечества в отдельно взятом регионе: сначала иммигранты из Европы вытесняют коренных жителей, а затем их потомки возвращаются в качестве иммигрантов на историческую родину в поисках лучшей жизни, безопасности и благополучия, но встречают лишь враждебность и равнодушие. Следовательно, поднимаются общие для дискурса ксенофобии и геноцида темы. Здесь же имеют место заметки (цитаты) из текстов, репрезентирующих иммигрантский дискурс, копии отчетов о смерти мигрантов, карта пустыни, приведенные в качестве содержимого коробок. Кроме того, в рассказах о потерянных детях и об индейцах Апаچерии упоминаются исторические факты, персоналии и события, культурные реалии, факты о языках коренных народов; в тексте присутствуют цитаты (эпиграфы) и вкрапления на испанском языке (шутка, песня), конституирующие дискурс мексиканской истории и культуры.

В раскрытии темы потерянных детей важную роль играет дискурс СМИ, представленный в произведении визуальными и псевдо-аудиальными компонентами. Рассмотрим отдельно каждый вид.

Визуальные компоненты, акцентирующие поликодовую и мультимодальную природу литературного материала, являются интекстами, проекциями на плоскости текста иного дискурса, в данном случае дискурса СМИ. Вырезанные из газет фотографии и заметки представляют собой случай двойного кодирования: изображение (фото) есть визуальный компонент статьи, копия которой служит визуальным компонентом романа (см. рис. 3). Взаимодействие элементов гибридных текстов может рассматриваться как «действие когнитивных механизмов концептуальной интеграции», результатом которой становится порождение новых смыслов¹. Читатель, разбирая архив рассказчицы, не только глубже погружается в изучаемую ею тему, но и проходит ее путь поиска собственного голоса, направление которого задается как извне, благодаря происходящим в стране событиями, так и изнутри, с помощью

¹ Волоскович А. М. Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: [б. и.], 2012. С. 1.

формирующих ее мировоззрение параллельных текстов, оказывающихся в сфере пересечения иммигрантского дискурса с другими, в том числе дискурсом СМИ.

Псевдоаудиальные компоненты (радионовости), которые слушают в машине герои произведения, читателем воспринимаются как своего рода скрипт. Они присутствуют в виде инородных вкраплений, так как принадлежат к другому функциональному стилю – публицистическому – и выделяются на общем фоне художественного стиля.

Сильный воздействующий эффект производится благодаря стилистическому контрасту: объективное, рациональное, экспликативное представление фактов в интекстах, относящихся к официально-деловому стилю (отчетов о смерти мигрантов), и эмоциональное, образное, нарративное изображение в принимающем тексте художественного стиля, а также в интекстах публицистического стиля, фактологически нагруженных и эмоционально заряженных, одновременно соотносимых и с иммигрантским дискурсом, и с дискурсом СМИ.

В произведении имеются интексты, являющиеся реализацией интердискурсивности. Они «бесшовно» вводятся автором в текст, например, радионовости: “Whenever I can find news about the situation at the border, I raise the volume and we all listen: **hundreds of children** arriving alone, every day, thousands every week. The broadcasters are calling it an **immigration crisis**”¹.

Другим примером может служить ситуация, когда репортер в центре временного содержания нелегальных иммигрантов берет интервью у мальчика лет десяти, который потерял младшего брата, сорвавшегося с крыши товарного поезда. Рассказчица выключает радио, не дослушав беседу, так как на нее накатывает дурнота: “I feel a dull, deep nausea—a physical reaction to the boy’s story and his voice, but also to the way that news coverage exploits sadness and desperation to give us its representation: tragedy”².

Ряд интекстов вводится в виде цитат из статей и научных трудов. В качестве иллюстрации приведем выдержки из статьи “Children at the Border” в “New York Times”, написанной в форме интервью, отрывки из которого цитирует рассказчица, критически анализируя позицию автора, транслирующего официальную политику страны. В конце она замечает: “No one is asking: Why did they flee their homes?”³

Еще часть интекстов представлена в виде содержимого коробок, которые семья взяла в дорогу. Этот багаж пронумерован, большая его часть принадлежит родителям, у детей же всего по одной коробке. В нем находятся книги, записные книжки, архивы, включающие вырезки из газет, переписанные или перепечатанные выдержки из книг, карты, копии документов и т. п. Содержимое коробок представляет собой архив потерянных детей, детей-иммигрантов у рассказчицы; индейцев, детей природы – у ее супруга и является своего рода физическим воплощением феномена интердискурсивности, поскольку все наличествующие тексты хоть и относятся к разным дискурсам, но в целом представляют собой единое смысловое образование.

¹ Luiselli V. Lost Children Archive. New York: Alfred A. Knopf, 2019. P. 38.

² Там же. P. 65.

³ Там же. P. 62.

Кроме того, можно утверждать, что при знакомстве читателя с содержимым коробок к восприятию подключается опосредованно кинетическая модальность, он словно перебирает вырезки и фотографии, рассматривает, раскладывает, ощущает их материальность, бытийность.

Под влиянием изученных источников повествование рассказчицы временами приобретает черты публицистического стиля: она озвучивает беспощадные факты и цифры, раскрывающие масштабы кризиса, при этом эмоционально выражает субъективную оценку происходящего: “More than eighty thousand undocumented children from Mexico and the Northern Triangle, but mostly from the latter, had been detained at the US southern border in just the previous six or seven months. <...> They weren’t looking for the American Dream, as the narrative usually goes. The children were merely looking for a way out of their daily nightmare”¹.

Главная героиня проходит сложный путь поиска через растерянность и разочарование в прежних методах документирования. Теперь оно представляется лишь как способ добавить еще один слой ко всему, что уже и так отложилось в коллективном понимании мира, к интуитивному ощущению верного направления поисков, цель которых отнюдь не документировать приграничный кризис и не формировать общественное мнение в какую-либо сторону. Рассказчица осознала: “The story I need to document is not that of the children in immigration courts, as I once thought. <...> I am still not sure how I’ll do it, but the story I need to tell is the one of the children who are missing, those whose voices can no longer be heard because they are, possibly forever, lost”².

Выводы

На первый взгляд финал романа кажется пессимистичным. Героиня не смогла помочь детям знакомой иммигрантки. Эта неудача, приведшая к страшной трагедии, по словам мальчика, их всех вдребезги разбила, и особенно тяжело ее переживала мама. Неизвестно, сможет ли она оправиться после поражения и продолжать поиски, или ее же дело продолжит мальчик, который, как ей верится, все понял куда лучше остальных: “He’d listened to things, looked at them—really looked, focused, pondered – and little by little, his mind had arranged all the chaos around us into a world”³. Ребенок добровольно принимает на себя роли отца и приемной матери – документатора и документалиста – и, вооруженный фотоаппаратом и диктофоном, найдет, а, вероятно, уже нашел свой способ понимать пространство, чтобы меньше ощущать потерянность во времени, суть которого он поясняет девочке: “I decided to be both a documentarian and a documentarist – so you could get at least two versions of everything and know things in different ways, which is always better than just one way”⁴. Таким образом, мальчик вновь повторяет мысль о том, что наше восприятие действительности

¹ Luiselli V. Lost Children Archive. New York: Alfred A. Knopf, 2019. P. 21.

² Там же. P. 122.

³ Там же. P. 153.

⁴ Там же. P. 270.

мультимодально, а значит, таковыми должны быть и способы отражения реальности в гибридных текстах.

Список литературы / References

Анисимова Е. Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. Москва: Академия, 2003. 128 с.

Anisimova E. E. *Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts)*. Moscow: Academia, 2003. 128 p. (in Russ.)

Волоскович А. М. *Когнитивные и семиотические аспекты взаимодействия компонентов полимодального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук*. Москва: [б.и.], 2012. 26 с. EDN: OPVCIH

Voloskovich A. M. *Cognitive and semiotic aspects of multimodal interaction within a verbal text: Abstract Cand. thesis in Philological Sciences*. Moscow, 2012. 26 p. (in Russ.) EDN: OPVCIH

Загидуллина М. В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 2019, № 1 (31), с. 181–188. EDN: GBSWKL

Zagidullina M. V. Multimodality: to the question of terminological definition. *Sign: Problematic field of media education*, 2019, no. 1 (31), pp. 181–188. (in Russ.) EDN: GBSWKL

Ирисханова О. К., Киосе М. И., Блинникова И. В. *Полимодальные измерения дискурса*. Москва: ИД ЯСК, 2021. 448 с.

Iriskhanova O. K., Kiose M. I., Blinnikova I. V. *Multimodal dimensions of a discourse*. Moscow: ID IaSK, 2021. 448 p. (in Russ.)

Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика. *Когнитивные исследования*, 2010, № 4, с. 135–152. EDN: SMRPED

Kibrik A. A. Multimodal linguistics. *Cognitive studies*, 2010, no. 4, pp. 135–152. (in Russ.) EDN: SMRPED

Луиселли В. *Архив потерянных детей*. Москва: Манн, Иванов, Фербер, 2023. 480 с.

Luiselli V. *Lost children archive*. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber, 2023. 480 p. (in Russ.)

Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов. *Вестник Томского государственного университета*, 2014, № 378, с. 45–48. EDN: RZCHTJ

Nekrasova E. D. On multimodal perception of the text (a psycholinguistic experiment). *Tomsk State University Journal*, 2014, no. 378, pp. 45–48. (in Russ.) EDN: RZCHTJ

Некрасова Е. Д. Взаимозависимость модальной семантики слова и перцептивного канала предъявления информации. *Вестник Томского государственного университета*, 2016, № 402, с. 10–17. DOI: 10.17223/15617793/402/2

Nekrasova E. D. The semantics of words and a perceptive channel: the impact of sensomotor experience on the perception of words. *Tomsk State University Journal*, 2016, no. 402, pp. 10–17. (in Russ.) DOI: 10.17223/15617793/402/2

Омельяненко В. А., Ремчукова Е. Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности. *Коммуникативные исследования*, 2018, № 3, с. 66–78. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78

Omelianenko V. A., Remchukova E. N. Polycode texts in the aspect of the multimodality theory. *Communication studies*, 2018, no. 3, pp. 66–78. (in Russ.) DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.66-78

Соколова О. В. Гибридизация дискурсов: теоретические основания и типы междискурсивного взаимодействия. *Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография*. Москва: Культурная революция, 2016, с. 308–333. EDN: XALGXL

Sokolova O. V. Hybrid discourses: theoretical foundations and types of interdiscursive interaction. *Linguistics and semiotics of cultural transfers: methods, principles and technologies*. Moscow, 2016, pp. 308–333. (in Russ.) EDN: XALGXL

Чернявская В. Е. *Текст в медиальном пространстве*. Москва: URSS, 2013. 232 с. EDN: VMZEKH

Cherniavskaya V. E. *Text in media studies*. Moscow: URSS, 2013. 232 p. (in Russ.) EDN: VMZEKH

Bruhn J., Schirrmacher B. *Intermedial Studies. An Introduction to Meaning Across Media*. New York: Routledge, 2022. 343 p. DOI:10.4324/9781003174288

Luiselli V. *Lost Children Archive*. New York: Alfred A. Knopf, 2019. 417 p.

Сведения об авторе

Яна Станиславовна Гончарова – кандидат филологических наук; <https://orcid.org/0009-0006-2012-1282>, yana.kovrizhina@mail.ru, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (д. 48, наб. реки Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия); **Iana S. Goncharova** – Candidate of Philological Sciences, <https://orcid.org/0009-0006-2012-1282>, yana.kovrizhina@mail.ru, The Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. Reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 03.05.2025; одобрена после рецензирования 06.06.2025; принята к публикации 10.09.2025.

The article was submitted 03.05.2025; Approved after reviewing 06.06.2025; Accepted for publication 10.09.2025.